

Михаил Жванецкий

Богатство и бедность

Богатство и бедность, конечно, отличаются друг от друга.

Это многие заметили и устроили нам революцию.

И заперли богатство за высокие стены, а бедность выставили напоказ.

Мы были бедны, равны, и это ничего, если бы не были бесправны.

Но многим это нравится.

Тем, для кого это максимум, чего они могут достичь.

Тогда, конечно, приятно видеть рядом с собой всех.

И ученого, и артиста, и изобретателя.

Все едят то же, спят там же, одевают то же, а если возле бомбы какое-то усиленное питание, то их окружают забором.

Поэтому атомный центр, мясокомбинат, кондитерская фабрика и тюрьма выглядят одинаково. Колючая проволока. Забор и вышки по периметру.

Советская власть делала такие заборы, которые не удавались никому.

Первое изделие, удостоенное знака качества, – грандиозный рельефный забор невиданной красоты.

Отсюда вся наша живопись и правописание.

Там малыши выводили свои первые буквы под руководством неизвестных педагогов.

В Ташкенте мы ехали на «Жигулях» вдоль забора дачи Рашидова полчаса. На скорости 50-60 километров в час.

Хороший забор – это наша радость, наша молодость, наши первые свидания, первый поцелуй.

В стране, где все крадутся вдоль забора, легко дорогу спросить. Вам так и скажут – езжайте вдоль забора до пересечения с другим забором, там спросите.

Поэтому когда богатство за забором, а рядом такая жизнь, такая же, конечно, на душе спокойней. Оно, может, и ничего, если бы дракон не выдерживал каждую ночь по тысяче, по десять тысяч.

Остальные как-то резвились, травку пощипывали, песни пели, вид делали, но хор редел. Здорово поредел. Сейчас оставшиеся, конечно, шумят, хорошо вспоминают, мол, мы остались, и трутся головой об бывшую власть.

А если б те вдруг вспомнили.

Все, кто подох, собрались и вспомнили. Как спали, что ели, двадцать лет не видели женщин и сдохли под забором.

Или их воспоминания роли не играют.

Один баран не замечает исчезновения другого.

Но как нищета – социализм почетен.

Почетен социализм.

Мы общество строим.

Мы заняты.

Нищета пройдет.

Организм борется.

Да, конечно, из этой нищеты та кажется справедливой.

С песнями, с бардами, со всенародным одобрением и голубым огоньком в конце тоннеля.

Ну чего. Прошли мы тоннель. И странно – мы не замечали разницу жизни своей и своих начальников, но со слезами стали замечать разницу между своей и иностранной.

Между пролетариатом и пролетариатом.

Между крестьянством и крестьянством.

Мы, суки, строим счастливую жизнь, а они ее имеют.

Мы к ней подбираемся, вопя и утопая, а они там живут.

В нашем коммунизме, который, кстати, они же придумали, а мы осуществляли, осуществляли, осуществляли, осуществляли, и где-то на развитом социализме сдохли.

Как же это выдержать?

Мы лучшие, передовые, прогрессивные, бесклассовые, могучие, а музыка оттуда, штаны оттуда, станки оттуда, ком эти пьютеры оттуда, а в конце и хлеб оттуда, и баранина. Что же они нам за теорию подсунули, при которой мы вечно голодные, и даже чтоб выпить, гнием в очередях?

И не Горбачев это придумал, а контраст стал невыносим, и побежали полковники КГБ на Запад, и разорились мы в соревновании под собственным забором, отделяющим нас от них.

И взвыли – хотим, как там. И великое свершилось.

Открыл нам Горбачев заборы, снял ворота.

Один, кстати.

Врал непрерывно и бесконечно.
Делал гадости и вызывал отвращение, а ворота и заборы снес.
И мы замерли. Залегли. Затихли.
С магнитофонами в руках.
Каждому по магнитофону.
Мечта сбылась.
И тут из нас полезли.
Как застарелые болезни. Полезли первые богачи.
Те же бластные, те же воры и спекулянты, те же продувные надуватели. Других-то не было.
Мы смотрели на них, не в силах пошевелиться.
Мы дали им разбогатеть. И теперь крутимся возле них.
За ними пошли получше, поскромнее и не такие уголовные.
Но те, первые, набрали силу и власть.
Но они наши, и другого пути не было.
Ты недоволен собственными купцами.
Они что, приехали из другой страны? Вся эта штука в том, что они образовались здесь, плоть от плоти.
И стали они рядом жить, и стали они рядом ездить, и всё покупать, и стрелять, и грабить. И все содрогнулись.
Разве о таком богатстве мы мечтали?
Мы хотели, чтоб, как раньше, все вместе, а здесь все по одному.
Они едят, мы – нет.
Неужели другого пути нет?
А мы все знаем только две жизни: прошлую и теперешнюю.

Теперешняя не нравится – давай назад.
Там не нравится – давай вперед.
Нет. Весь мир живет третьей жизнью, которую начинает сразу после второй.
Когда стрелять становится невыгодно материально.
Когда набирать костюмов и жратвы себе становится невыгодно и неинтересно.
Когда жить одному со жратвой и любовницей становится ни к чему.
Когда детей нужно где-то учить.
Когда себя нужно у кого-то лечить.
И главное, когда он, новый, может заработать, только если бедный наконец купит, потому что богатых не хватает ни на ресторан, ни на пароход.
Тогда богатый хочет, чтоб бедный купил.
Тогда богатый очень хочет, чтоб бедный стал богаче.
И это даже если тот бедный, как мы, честный и вялый, и ничего не может. Только лежать.
И в этом случае богатый очень заинтересован, чтоб бедный встал.
Я уже не говорю, что зарабатывать сейчас не проблема, так они еще нас заставят.
Потому что эта жуткая жизнь нормальна.
Через нее надо проползти.
Опять со стрельбой, как всегда.
Тут надо успокоиться. У нас любое движение связано со стрельбой. И революция, и гражданская, и до войны, и во время войны.
Все мы ворошиловские стрелки по людям.
Так что сегодняшняя стрельба – явление обычное, очень мелкое по сравнению.

Это есть наша плата за бескультурие и темноту, за пьянство и огромную, во всю державу, тюрьму, где зеки только и учились бить и пытаться.

И хлынули наружу новые очень старые песни и новые очень старые люди.

И милиция стала продажной, как и была.

И ГАИ берет взятки, как и брала, и врачи берут, как и брали. И это не кончится, хотя должно закончиться.

Вот такой парадокс.

Оно всегда будет, но закончится, когда беспредел станет невыгодным.

Вот он уже становится невыгодным. Какая выгода открывать ресторан, если мы боимся туда идти?

Если милиция не тянет, разрастается охрана.

Новые начинают стрелять друг в друга уже за безопасность для своих клиентов.

Я говорю, беспредел невыгоден всем, кроме самых темных и больных, которых и надо судить, повально судить.

Значит, что нам нужно?

Скорая, милиция и инициатива.

Власть, как она неоднократно демонстрировала, – у нас в руках.

Кого хотим, того и выберем.

Выберем сумасшедшего, так и будем жить с ним во главе.

На культурного неспособны.

Гайдар для нас хуже всех, потому что был начитан и не врал.

Значит, выберем своего.

Неважно, мы и через это должны пройти.

Это и есть наша вторая жизнь по пути к третьей.
А третью мы уже видим и уже привыкаем.
Раскручиваемся потихоньку с жертвами и стрельбой.

Как же тут без стрельбы?

Стой там, иди сюда.

Пиши письмо, но не посылай.

Свари борщ, но не ешь.

Судиться б надо. Чтоб не стрелять.

Нормальный суд поверх народов, объективный и свободный.

И кому что.

А пока наши новые тоже тоскуют и по трое, по четверо ходят, чтоб не подстрелили.

И с охраной в постель, и в туалет, и пьет с охраной, и поет с ней у костра.

Легко представить, как это интересно.

Это ж одни и те же ребята пошли в убийцы и в охрану.

Так что нелегко с ними петь. Но надо.

И расслабляются наши новые только там, за забором, на Западе, под немецкую и турецкую речь.

А русским всегда хорошо отдыхалось среди турок и зеков.

– Гив ми плиз... Нин, как будет «кофе»? Кофе, кофе. Уан кофе и ей уан. Как в Москву позвонить? Алло, Людмила Александровна? Я на Карибах, переведите им, что я хочу завтрак в корвать. Ин бед. Я ему дам трубу. Скажите: нам с Нинкой в корвать.

А количество жизни одинаковое, растянутое в бедности или сжатое в богатстве.

И не надо обвинять богатых в скупости.

Бедный всегда широк.

Богатый скуп и не хочет давать.

Бедный широк, но ему давать нечего.

А тот потому и стал богатым, что скуп.

А этот потому и беден, что широк.

Дальше разбирайтесь сами.

Можно жить хорошо среди скверной жизни, как жили наши начальники, под страхом – снимут, выгонят, отнимут всё.

А можно жить тяжело среди жизни хорошей. Тяжело, а не плохо. Потому что есть выбор.

